

варя эстонского языка. О библиографической деятельности Ану-Резт Хаузенберг говорится лишь вообще, без упоминания ее как редактора «*Bibliographia Uralica*». В перечне трудов Арнольда Каска отсутствует его диссертация. Работа Айме Кяхрик «*Verbide muutismudel lõunaverisa murdes*» опубликована не в рамках какого-либо сборника, а отдельной книгой. По поводу исследования Харри Моора «*Eesti rahva ja naaberriikide kujunemisest arheoloogia andmeil*» не отмечено, что оно вошло в сборник «*Eesti rahva etnilisest ajaloost*», одним из инициаторов со-

ставления которого он был. Имя молодого исследователя Peeter Päll передано как Pall. Там же статья о докторе филологических наук Валдеке Палле (Pall), которая вдвое короче по объему, чем предыдущая. Представлен в справочнике Eduard Pjall' вместо Päll. Лембит Ваба был редактором раздела обзоров и рецензий не «*Studia Fennica*», а «Советского финно-угроведения».

Будем надеяться, что коллектив составителей продолжит свою работу и в ближайшее время дополненное и исправленное издание справочника увидит свет.

АРВО ЛААНЕСТ (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.3.08>

Seppo Laalukka. *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*, Helsinki 1990 (Suomalaisen Tiedeakatemia toimituksia. Sarja B, nide 252. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B, tom. 252). 344 с.

Книга посвящена судьбе четырех финно-угорских народов — мордвы, марийцев, коми и удмуртов — в последние десятилетия (прежде всего — 1959—1989 гг.). Речь идет тем самым о проживающих по соседству народов, располагающих одинаковой административно-национальной единицей — это автономная советская социалистическая республика.

Чтобы получить представление о численности финно-угорских народов Советского Союза и о степени владения ими родным языком, необходимо в первую очередь обратиться к данным переписей населения, поскольку иные сколько-нибудь сопоставимые сведения отсутствуют. При проведении таких переписей в Российской империи и затем в Советском Союзе использовались отличающиеся друг от друга принципы, что затрудняет сопоставление данных. Полной достоверности нельзя ожидать также из-за небрежности переписчиков, допускаемых некоторыми местными администрациями подделок, излишней стеснительности некоторых переписываемых и т. п. Однако в отсутствие более надежных источников не остается иного пути, как строить свой анализ на опубликованных данных последних переписей населения, что и делает в своей книге Сеппо Лалукка.

Здесь данное исследование рецензируется лишь в аспекте языковедения. Но прежде кратко остановимся на содержании книги. За введением и теоретической частью следуют исторический обзор (в том числе развитие языков начиная с праязыка), анализ переписей населения в Советском Союзе как источника сведений о нациях и языках, данные о численности и расселении четырех народов, демографический обзор, лингвистический очерк (формирование литературных языков, состояние школьного обучения на родном языке, печатные издания на нем, двуязычие, употребление языка разными возрастными группами и в различных сферах жизни), анализ смешанных браков, проблемы установления степени ассимиляции, выводы и приложения.

Подход автора к родству финно-угорских народов можно назвать прохладно научным: практически налицо лишь языковое родство, которое отнюдь не предполагает обязательность этнической общности, не говоря уже об общих предках (с. 17—18). И, напротив, даже в научной литературе нередки случаи, когда авторы забывают об этом и впадают в эмоциональное преувеличение, говоря о якобы всеохватывающем родстве этих народов. Нравится нам это или нет,

но именно соседние народы, как правило, являются нашими физическими родственниками, несмотря на языковые различия.

Так, ни один из коренных народов Балтофенноскандии не появился здесь вдруг — они со временем формировались на нынешней территории своего обитания. Население, говорящее на финно-угорских языках, в Балтофенноскандии представляет собой частично (в основном по языку) в той степени ассимилированных финно-уграми скандинавов и балтов, в какой существенная часть говорящих на скандинавских или балтских языках является (опять же главным образом по языку) финно-уграми, ассимилированными скандинавами или балтами. В течение тысячелетий в Балтофенноскандии сложилось в расовом отношении довольно однородное население. Излишнее подчеркивание и идеализирование восточного происхождения, все еще распространенные в Балтофеннии, представляют собой ни что иное как тягу к романтическому мифу без строгого научного обоснования. Разумеется, нет причин утверждать, что с востока не получено ни генетического, ни культурного материала, однако доля его весьма невелика. Иной вопрос — языковое родство финно-угров, которое простирается от Балтийского моря до, по крайней мере, Венгрии и Сибири. Но ведь язык в какой-то мере представляет собой мистическое явление, которое у финно-угорских народов сохраняет общие основные черты на территории протяженностью в тысячи километров, хотя народы здесь в течение тысячелетий сменялись, частично почти полностью.

Как бы не хотелось представителям интеллигенции Балтофеннии — благодаря ошибочности исходных данных, из-за восхищения Востоком, судорожной потребности в самоидентификации и т. п. — видеть родственные народы прежде всего в племенах, проживающих достаточно далеко, но говорящих на финно-угорских языках, они должны смириться с фактом: нашими ближайшими родственниками генетически и по культуре являются соседние народы, т. е. латыши, шведы, немцы и т. д. С соседями же всегда есть повод сводить какие-либо счеты, поэтому понятно стремление всячески отделиться, подчеркнуть свое отличие от окружающего

мира со ссылкой на дальние, идеализированные, якобы избежавшие связанных с цивилизацией грехов родственные племена. Пришло время отказаться от сентиментальных представлений прошлого века.

Именно в данном аспекте следует рассматривать восточные финно-угорские народы. Попавшие в поле зрения С. Лаллукка составляют их большую часть — около 3 млн. человек, или 65% всех проживающих на сегодняшний день в пределах Советского Союза финно-угров. На территории своего обитания эти четыре народа — мордва, марийцы, коми и удмурты — остались в меньшинстве. Идет процесс их ассимиляции, разумеется, это относится и к языку, т. е. налицо русификация и переход на русский язык. На четких цифровых данных С. Лаллукка показывает, что обратного процесса нет: лишь 1% нефинно-угорского населения республик владеет соответствующим финно-угорским языком (с. 196). Эти нефинно-угры, как правило, русские, которые и в других регионах Советского Союза не привыкли пользоваться местными языками.

Итак, рецензируемая книга посвящена важным и актуальным проблемам — это несомненно. Рассмотрим теперь более обстоятельно интересное и содержательное исследование С. Лаллукка.

Название книги коротко, но не совсем удачно. Английское выражение *East Finnic* может быть воспринято не однозначно: некоторые читатели сочтут, что речь идет о восточной группе финно-угров, т. е. об угорских народах, или даже о самой восточной группе уральских народов, т. е. о самодийцах. Не считая название ошибочным в целом, рецензент рекомендовал бы уже в нем перечислить народы, о которых пойдет речь. Затрудняет ситуацию и то, что в тексте эта группа именуется по крайней мере тремя разными способами: *ASSR nationalities*, *East Finnic nationalities* и *Finnic nationalities*. Говоря о терминах, необходимо отметить также, что пояснения на с. 13—15 не известных многим читателям названий единиц административно-территориального деления Российской империи и Советского Союза — типа волость, уезд район, область — и их сложных взаимосвязей следовало бы снабдить соответст-

вующей схемой. Особенно если учесть, что автор в данной книге показал себя мастером составления схем.

На схеме 3.1 (с. 48) приведено т. н. языковое дерево уральских языков (по виду скорее языковые «грабли»), цель которого представить этапы развития современных финно-угорских и самодийских языков начиная с уральского праязыка, т. е. из глубины тысячелетий. Схема базируется на точках зрения ведущих специалистов, да и вообще такое языковое дерево получило довольно широкое признание. В плане данного исследования практически было бы достаточно схемы 3.1. Надо отметить лишь, что в части самодийских языков в последние годы в языковое дерево внесены существенные поправки. Прежде всего, по инициативе московского исследователя Евгения Хелимского, получила распространение точка зрения о том, что нет оснований постулировать деление самодийского праязыка на северно- и южносамодийские праязыки. Предполагается, что самодийский праязык непосредственно — тем самым без промежуточного южносамодийского — распался на четыре части: 1) северносамодийский праязык (давший современные ненецкий, энецкий и иганасанский языки), 2) селькупский язык, 3) камасинский язык и 4) маторский язык. Естественно, эта корректура никак не затрагивает конкретный анализ С. Лаллукка. Она упомянута лишь потому, что подобные языковедческие факты, как правило, приводятся здесь таким образом, что они замечаний не вызывают.

По той же причине следует отметить еще один момент. На с. 50 говорится о передвижении уральских народов с предполагаемой прародины на теперешние территории, причем процесс представлен в часто употребляемом упрощенном виде. В действительности он был намного сложнее. Предполагаемая схема не учитывает проживания на соответствующих территориях и племен, говорящих на других языках (автор сделал хороший анализ подобной ситуации в наши дни). И вообще гипотеза о странствовании подчеркивает лишь перемещение, будто большинство финно-угорских народов появились на своих современных территориях в виде определенной группы из какой-то стороны света. Правдоподобнее предполо-

жить, что каждый народ со временем сформировался на своей нынешней территории.

С. Лаллукка на с. 79 верно ставит вопрос о том, что русский термин *родной язык* в опросных анкетах переписей населения СССР весьма неопределен: одни могут понимать его как язык матери, другие как язык ежедневного общения, поэтому трудно понять, что скрывается за соответствующими цифровыми данными. Можно согласиться с автором и в том, что данные переписей населения СССР вместо действительного владения языками отражают достаточно наглядно степень национального самосознания. Например, по данным переписи 1979 года, у эстонцев отмечается значительное сокращение числа тех, кто вторым из языков народов СССР лучше других владеет русским. Дело же здесь лишь в изменении отношения: хотя владение русским языком как вторым из национальных языков СССР среди эстонцев в действительности, конечно, росло, в обстановке роста национального сознания не все захотели зарегистрировать свое знание русского языка. Этот факт предвозвестил теперешние большие изменения в Эстонии. С другой стороны, рост числа эстонцев, зарегистрировавших свое знание русского языка во время переписи 1989 года, может отражать желание эстонцев в изменившейся политической ситуации в Эстонии сообщить русским: мы знаем русский язык, учите и вы эстонский!

Хотя мы только что констатировали, что употребляемый народом язык и физическое происхождение народа нельзя отождествлять безусловно, верно утверждение С. Лаллукка на с. 175, что важнейшим признаком народа является язык — и это положение действительно в отношении рассматриваемых народов. Действительным относительно них считает автор и утверждение Э. Г. Льюиса, согласно которому в условиях двуязычия при предпочтении одного языка другому решающую роль играет наличие литературного языка (с. 181—182). В рассматриваемом случае русский язык, разумеется, имеет более сильную традицию литературного языка, чем соответствующие финно-угорские языки. В связи со сказанным всяческого одобрения заслуживают собранные С. Лаллукка из разных

источников и сведенные в таблицы данные, см., например, табл. 7.2 (с. 191), в которой прослеживается сокращение выпуска печатной продукции на языках этих четырех народов вдвое за период 1946—1985 гг.

И поскольку переписи населения СССР явно не отражают действительной степени владения языками (см. и с. 195), нужно одобрить и попытку С. Лаллукка собрать опубликованные в СССР сведения о действительном владении языком этих народов (с. 211—212). Эти сведения отрывочны и не всегда адекватно отражают действительность, но все же содержат информацию, отсутствующую в публикациях о переписях, такую, например, как об употреблении языка разными возрастными группами, пользование языком в разных сферах общественной жизни и т. п.

В связи с последним среди многих четких и наглядных таблиц и схем книги хотелось бы выделить схему 7.1 на с. 199. Она отражает сокращение владения родным языком среди мордвы, марийцев, коми и удмуртов в период с 1959 по 1970 год. Схема четко показывает, что падение владения языком тем резче, чем моложе возрастная группа. У самых молодых групп это падение носит уже угрожающий характер.

С. Лаллукка хорошо ориентируется в специальной литературе. Им привлечено много малоизвестных и даже редких изданий. Солидно представлено и создаваемое десятилетиями в СССР псевдоязыковедческое направление, целью которого было обоснование и стимулирование слияния разных народов страны в *homo soveticus* и их перехода на русский язык. Не лишним было бы для книги и ознакомление с идеями русского академика Олега Трубачова. Ведь он представляет внешне всячески научный подход, согласно которому мы имеем дело с множественным союзом языков между русским и другими национальными языками. Именно через эти союзы языков происходит якобы языковое слияние других народностей с русскими, а также языковое развитие в направлении к формированию интернационального советского народа. На VII Международном конгрессе финно-угроведов, который проходил в августе-сентябре 1990 года в Дебрецене (Вен-

грия), в своем пленарном докладе эстонский языковед Мати Хинт особенно резко критиковал именно эту кажущуюся научной и поэтому политически очень опасную теорию Трубачова. В списке литературы данного исследования отсутствует и справочник проживающего в Швеции эстонского исследователя Валева Уйбопуу «Meie ja meie hõimud» (Мы и наши племена), который по тематике имеет точки соприкосновения с книгой С. Лаллукка. С другой стороны, хорошо, что автор сумел охватить и данные последней переписи населения 1989 года в Советском Союзе, хотя пока доступны были ему лишь предварительные результаты.

Книга С. Лаллукка представляет собой несомненно единственное в своем роде исследование. Подобного не встретилось пока ни на Западе, ни на Востоке. В Советском Союзе такая работа еще несколько лет назад была бы совсем невозможна. Не могло быть речи о публикации научного труда, в котором говорилось бы о русификации и русифицировании и подобных проблемах, тем более вещи назывались бы своими именами. Не существовало в Советском Союзе собственно и базы для такой обобщающей исследовательской работы. Хотя в стране хорошо развито финно-угроведение как наука, у нее отсутствуют определенные компоненты, необходимые для этого: слабо развито социологическое направление и т. п. Общесоциологическая же исследовательская работа в Советском Союзе не балует своим вниманием финно-угорские народы и языки. На Западе же трудно было получить все нужные советские источники. Единственным западным исследованием, в какой-то мере напоминающим книгу С. Лаллукка по своей тематике, является произведение ученого ФРГ Иштвана Батори «Russen und Finougrier. Kontakt der Völker und Kontakt der Sprachen» (1980). Пункт наблюдений С. Лаллукка — Хельсинки — оказался, очевидно, наиболее благоприятным: за пределами Советского Союза, но близко. Благоприятное влияние оказали и добрые отношения между двумя странами, которые расширили возможности для исследовательской работы. А добавив сюда такие черты конкретного ученого, как знание языков, одаренность, трудолюбие, целеустремленность и точность, получим комп-

лекса необходимых предпосылок для выполнения исследования такого плана.

С. Лаллукка написал прекрасную и нужную работу. Не знаю, в каком направлении намерен он продолжать свои исследования, но подобный анализ нужен и в отношении других уральских народов и языков Советского Союза. Надежда, однако, есть, ведь еще в 1982 году увидела свет книга С. Лаллукка «Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien väestönlaskentojen valossa» (Финно-угорские народы в свете последних переписей

населения Советского Союза), в которой он затрагивал и языковые вопросы. Как исследователь наших самых дальних родственных языков — самодийских — смею надеяться, что и они будут привлечены как материал для такого же анализа.

10 ноября 1990 года С. Лаллукка защитил рецензируемую книгу как докторскую диссертацию в Хельсинкском университете. Оппонентами были автор этих строк и доктор наук Илмари Сусилуото, вел дискуссию профессор Олави Рийхинен.

АГО КЮННАП (Хельсинки—Тарту)

Helmi ja Pertti Virtaranta, Karjalan kieltä ja kansankulttuuria I. Tverinkarjalaisia kielennäytteitä, Helsinki 1990 (MSFOu 205). 445 с.

Неутомимые исследователи тверских карелов Хелми и Пертти Виртаранта опубликовали еще одну крупную работу — четвертую в серии монографий, посвященных тверским карелам. Две из них — «Tverin karjalaisten entistä elämää» (1961, 272 с.) и «Suru virret suuhun tuori» (1989, 107 с.) — написаны Пертти Виртаранта, в 1985 г. увидела свет книга обоих авторов «Kauas läksit karjalainen» (320 с.). В названных произведениях обстоятельно рассказывается о житействе карелов, прослеживаются судьбы отдельных людей. Рецензируемая книга представляет собой первый сборник только текстов. Значение его тем более велико, что последний крупный сборник текстов, записанных в данном диалектном ареале, издан почти тридцать лет назад — это книга Г. Макарова «Образцы карельской речи» (Москва — Ленинград 1963). Известно, однако, что с годами количество носителей тверского диалекта карельского языка не росло, а сокращалось.

Сборник Х. и П. Виртаранта содержит тексты, записанные у жителей дер. Пасынок (кар. Puasinkoi), что расположена в центре ареала томчавского говора. Информантов было четверо: Евдокия (1923 г. р.) и Иван (1928) Ильины, Мария Белякова (Смородина) (1886—

1968) и Дарья Макарова (1921—1973) — все они родственники между собой.

В дер. Пасынок, где по данным Д. Рихтера, в 1873 г. проживали 224 человека, к настоящему времени осталось 40 домов и 50—60 карелов.

Во введении авторы обстоятельно излагают биографии своих информантов. И как всегда восхищаются прекрасные фотографии, без чего книги Х. и П. Виртаранта просто невозможно уже себе представить.

Каждое собрание текстов всегда имеет две функции: для этнографов и фольклористов важны культурологические сведения, лингвистов же интересуют диалектные особенности рассматриваемого языкового ареала. Первые, если они не владеют карельским языком, найдут в книге корректный перевод текстов на финский язык, лингвистов же с фонетическими особенностями тверского диалекта знакомит специальный раздел «Замечания по поводу диалекта окрестностей дер. Пасынок и его транскрибирование» (с. 19—33).

Фольклор и быт карелов всегда привлекал Х. и П. Виртаранта. Данный сборник тоже открывают 24 сказки. Первые из них записаны еще в 1966 г. (последние — в 1968 г.). Самой активной сказительницей была Дарья Макарова, супру-